

В.Н.Наумчик, зав. кафедрой педагогики социокультурной деятельности Белорусского университета культуры, член-корреспондент Международной академии технического образования, доктор педагогических наук, профессор

НАГЛЯДНОСТЬ КАК ФИЛОСОФСКАЯ КАТЕГОРИЯ И ПРИНЦИП ВОСПИТАНИЯ

Рассматривая обучение и воспитание как единый процесс, уместно обратить внимание на необходимость наглядного воспитания. Если в обучении наглядность является стержневым принципом, “золотым правилом” дидактики, то очевидно, что и в воспитании этот принцип также сохраняет свое исключительное значение. Тем не менее принцип наглядности в педагогической литературе зачастую трактуется либо упрощенно, либо неверно. В воспитании же о нем многие предпочитают вообще умолчать.

Наглядность — понятие емкое. Оно приходит к нам через творчество и выступает как проблема. Проблему наглядности решают многие: ученые и художники, композиторы и педагоги. Их всех объединяет творчество, стремление познать окружающий мир во всем его многообразии, и наглядность — инструмент познания, индикатор освоения ценностей человечества.

Однако этот мир сам по себе не является ни наглядным, ни не наглядным. Наглядность и не наглядность — категории познания, переплетающиеся друг с другом и включающие друг друга. Поэтому их нельзя рассматривать вне познания — диалектического процесса отражения в со-

знании человека (и человечества) объективного материального мира. Проблема наглядности возникает только в связи с постижением загадок действительности, с изучением мира, т.е. как гносеологическая проблема.

Пожалуй, И.Кант впервые подошел к современному пониманию феномена наглядности. В своей диссертации “О формах и принципах чувственно воспринимаемого и умопостигаемого мира” (1770) и последующих работах И.Кант подчеркивает, что “вещи в себе” воздействуют на органы чувств и вызывают в нас ощущения. “Существуют два основных ствола человеческого познания, — писал Кант, — вырастающие, может быть, из одного общего, но неизвестного нам корня, а именно, чувственность и рассудок: посредством чувственности предметы нам даются, рассудком же они мыслятся” [1, с. 47]. По Канту, ни ощущения нашей чувственности, ни понятия и суждения нашего рассудка не могут дать теоретического знания о “вещах в себе”. Вещи эти непознаваемы, хотя эмпирические знания о вещах могут неограниченно расширяться и углубляться, но это ни на йоту не приблизит нас к познанию “вещей в себе”.

Следует заметить, что современные представления о структуре материи во многом согласуются с представлениями И.Канта. Мир бесконечен, он сложен, каждый его элемент сам обладает бесконечным числом качеств. Все они и составляют ту “вещь в себе”, которая недоступна органам чувств человека и является предметом его исканий. В то же время ряд качеств как бы лежат на поверхности, их можно непосредственно ощутить, легко измерить. Они и формируют наше представление о конкретной вещи, “вещи для нас”. Изучая мир, мы шаг за шагом осваиваем все новые и новые качества, совершенствуя наше представление о вещах.

Восприятию сущности, ее осознанию субъект познания обязан явлениям. Только через явления, обобщенные теоретически, можно подойти к сущности, причем с развитием науки такое приближение происходит перманентно.

Следует обратить внимание на необходимость обобщения как процесса, предшествующего появлению наглядного образа. В свою очередь, обобщения всегда связаны с формированием категорий, в которых человек концентрирует результаты своей интеллектуальной деятельности. Категории мы рассматриваем как фактор, позволяющий судить о степени понимания изучаемого объекта. Это наиболее общие и фундаментальные понятия, отражающие существенные, всеобщие свойства и отношения явлений действительности. Категории являются идеальным аналогом материального мира, его общих свойств, связей и отношений. Отсюда вытекает их методологическая ценность и необходимость применения к исследуемым явлениям природы, общества, мышления. Поэтому есть все основания выделить категориальную наглядность. Под категориальной наглядностью понимаем проникновение в сущность вещей, используя категории как инструмент, обладающий методологической ценностью. Так, в ранних формах человеческого мышления категориальная наглядность выступает в виде исходных принципов, "первоначал" мира: вода, воздух, земля, огонь и др.

Следует отметить и дидактическую функцию категориальной наглядности. Усвоение понятий, входящих в ее систему, в ходе индивидуального развития человека является необходимым условием формирования современного члена общества (для любой эпохи), а также условием формирования способности теоретического мышления.

Категориальная наглядность концентрированно выражена в философских категориях, поскольку философия ставит своей задачей выявить и изучить всеобщие законы развития природы, общества и мышления, а также сформировать обобщенную систему взглядов на мир и место в нем человека. В объективной действительности все взаимосвязано, элементы категориальной наглядности также находятся в определенной взаимосвязи. Каждый из этих элементов отражает какую-либо сторону объективного мира, а совокупность наглядных представлений формирует картину мира.

Совокупность наглядных представлений об объекте познания формирует его модель. Наряду с категориальной наглядностью модель представляет собой более высокую степень наглядности и широко используется как в научных исследованиях, так и в учебном процессе. По определению В.А.Штоффа, модель — это мысленно или материально реализованная система, которая, отражая в определенной степени объект исследования, способна заменить его так, что ее изучение дает нам новую информацию о данном объекте.

Метод моделирования нашел широкое применение в науке. Значительное внимание этой форме наглядности уделяли В.Томсон, Г.Лоренц, Г.Герц, Г.Гельмгольц, Н.А.Умов и другие выдающиеся ученые. Так, Н.А.Умов считал модель важным способом познания явлений объективной реальности, особенно тех, которые человек не может непосредственно воспринимать органами чувств. Он считал, что модели имеют общенаучный характер, что они используются не только в физике и математике, но и в других науках. Умов создал физико-математическую модель живой материи, модель психических явлений, став тем самым одним из предшественников создателей современной кибернетики.

Таким образом, моделирование в единстве с другими методами познания выступает как гносеологический процесс, движение которого осуществляется от моделей, относительно бедных информацией, к моделям, более содержательным, полнее раскрывающим сущность исследуемых явлений. В моделировании проявляется развитие наглядности от внешнего к внутреннему: вначале изучаются внешние существенные стороны вещей, потом во внешнем — внутреннее, что составляет одну из задач научного исследования мира вещей. На этом этапе познания вскрываются противоречия, дающие толчок новым поискам, те в свою очередь порождают новый уровень наглядности и новые противоречия.

Наглядность — это и осознание диалектического противоречия в развитии объекта. В истории науки существует немало примеров, когда стремление к наглядному неиз-

бежно приводит к противоречию, а осознание противоречия, его смысла и объективного характера является элементом наглядного представления об объекте.

В науке и в педагогическом процессе наглядность часто отождествляют с возможностью визуального восприятия объекта, что неверно. Визуальное восприятие модели — лишь возможный компонент наглядности, но им не исчерпывается. Наглядность никогда не может помешать восприятию сущности изучаемой модели, ее основных свойств. Вместе с тем требование визуального (привычного) восприятия объекта приводило к серьезным затруднениям при попытке осознать новые идеи. Вот почему М.Планк, смело отказавшийся от привычного понимания структуры мироздания, утверждал, что наглядность как возможность визуального восприятия может оказаться вредным препятствием: “Хотя во многих случаях требование наглядности является вполне законным, но иногда оно становится вредным препятствием, особенно при проникновении в науку новых идей. <...> критерий для оценки новой физической гипотезы заключается не в наглядности ее, но в плодотворности. Если гипотеза оказывается плодотворной, то с ней осваиваются, и затем она постепенно сама собой приобретает известную степень наглядности”.

Можно сказать, что наглядность есть сам диалектический подход к пониманию истины во всем многообразии ее противоречий.

Наглядность рождается из не наглядного, того, что приходит в противоречие со здравым смыслом. Противоречия возникают и разрешаются в форме причинно-следственных связей. Причинность — это связь, всегда вызывающая к жизни нечто новое, превращающая возможное в действительность, являющаяся необходимым источником развития. Цепь причинно-следственных связей существует объективно, поэтому принцип причинности имеет огромное значение в научном познании действительности. Установить эту связь — значит сделать небольшой шаг к наглядному пониманию вещей. Движение мысли от описания к

причинному объяснению мы рассматриваем как движение познания от внешнего к внутреннему, от явления к сущности.

Учебный процесс следует рассматривать как особый случай познания, специально организованного. Это процесс изучения явлений (в том числе и социальных) в объективном мире, процесс движения под руководством педагога “от незнания к знанию, от знаний неполных и неточных к знаниям более полным и более точным”.

Принцип наглядности является одним из центральных в системе дидактических принципов. Можно утверждать, что наглядность всегда индивидуальна. Все, что человек присваивает в процессе обучения и воспитания, становится только для него наглядным. Верно и обратное: все, что наглядно для субъекта обучения и воспитания, становится его достоянием. Вот почему Я.А.Коменский назвал этот принцип золотым правилом: “Все, что только можно представлять для восприятия чувствами, а именно: видимое — для восприятия зрением, слышимое — слухом, запахи — обонянием, подлежащее вкусу — вкусом, доступное осязанию — путем осязания”.

Но это только средство постижения вещей. Великий ученый понимал, что с помощью органов чувств мы схватываем лишь внешнюю структуру вещей, внутренняя остается нераскрытой. Но путем наблюдения, экспериментирования и моделирования мы проникаем в самую суть вещей, которые все же хранят в себе тайны. Поэтому внешнее зрение, ощущение вещей должно помогать внутреннему зрению и развивать его, способствуя проникновению сквозь барьер неразгаданного. Видимо, это и есть предпосылки для творчества. Выделяя гносеологическую сторону творчества, Коменский отмечал: “Наука, или знание вещей, будучи не чем иным, как внутренним созерцанием вещей, обуславливается такими же элементами, как и внешнее наблюдение или созерцание, а именно — глазом, объектом и светом <...>. Оком внутреннего зрения является разум, или умственные способности, объектом — все вещи, нахо-

дящиеся вне и внутри интеллекта, светом — должное внимание”.

Подобную же мысль лаконично сформулировал академик Б.В.Раушенбах: “Человек видит мозгом, а не глазом”. А известный педагог В.Н.Сорока-Росинский утверждал, что “наглядным может быть не только восприятие: всякое непосредственно переживаемое чувствование так же реально, живо, а поэтому и наглядно, как и ощущение; в силу этого можно сделать наглядным предмет, вызвав в душе ребенка соответственное чувствование и создав далее необходимые ассоциационные нити между таким чувствованием и изучаемым предметом” [7, с. 127].

Однако чувственного восприятия вещей недостаточно для познания их существенных сторон. Чтобы убедиться в этом, вспомним деятельность цирковых артистов — иллюзионистов. В своих выступлениях они предоставляют публике широкую возможность чувственно воспринять тот предмет, который они используют в номере, однако в конце концов зрителю остается лишь только догадываться, в чем же секрет увиденного, и восторгаться искусством артиста.

Особенностью таких выступлений, отличающих их от учебного процесса, является то, что иллюзионист никогда не допустит, чтобы его номер оказался наглядным для зрителя — в этом случае артист попросту потеряет свою квалификацию. В учебном же процессе педагог не ограничивается лишь демонстрацией изучаемого предмета. Он обязательно должен иметь в виду упомянутый “эффект иллюзиониста”, т.е. всегда предполагать, что есть ученики, которые не увидели главного, существенное для них оказалось скрытым, воспринятым искаженно. Именно на эту сторону процесса обучения и воспитания указывал Я.А.Коменский.

Таким образом, Я.А.Коменский не сводил наглядность (“знание вещей”) только к их чувственному восприятию, этого явно недостаточно для “внутреннего созерцания вещей”. Оказывается, для проникновения в тайны сущего

необходимо еще одно важное условие: ученик “должен иметь чистое духовное око”. С современных позиций мы должны трактовать это как наличие этических предпосылок творчества.

Казалось бы, ученый изучает мир вещей. Причем здесь этика, моральное воспитание? Коменский смотрел далеко вперед, он понимал великую созидательную силу науки. Созидательную..., а может быть, разрушительную? Да, наука способна добывать знания, которые в руках отдельных людей могут нести гибель и разрушения человечеству. Достаточно вспомнить историю создания атомной бомбы. Без ученых она не могла появиться, и очевидно, что те же ученые участвовали в ее испытаниях, разрушая японские города. Как они себя чувствовали при этом? Мучили ли их угрызения совести? Некоторые сведения об этом можно получить из воспоминаний Лауры Ферми, жены Энрико Ферми, — одного из участников Лос-Аламосского проекта. Для выработки послевоенной программы действий в отношении атомной энергии американский президент Трумэн учредил комитет, в который в качестве консультантов вошли четверо всемирно известных ученых: Комптон, Лоуренс, Оппенгеймер и Ферми. В конце концов военный министр Стимсон и временный комитет независимо друг от друга пришли к одному и тому же решению — и бомба была сброшена.

Лаура Ферми отмечает моральные терзания ученых, подготовивших этот ужасный по своей сути проект: «Все ученые Лос-Аламоса испытывали чувство вины, одни сильнее, другие слабее, но это чувство было у всех. И оно не обескураживало, нет, оно даже вселяло какую-то надежду. “Эти атомные бомбы слишком разрушительны, — говорили люди в Лос-Аламосе после Хиросимы, — их больше не будут применять!”» Таким образом, в науке вопросы морали весьма актуальны. Выбор ученого приводит к кардинальному изменению в жизни не только отдельного человека, но и целых народов. Хотелось бы верить, что люди сделают правильный вывод из урока Хиросимы. Вот по-

чему еще на школьной скамье нужно заботиться, по выражению Коменского, о чистоте “духовных зеркал”, именно они есть наши “внутренние очи” (совесть. — В.Н.): “В нашей власти не позволять этим нашим зеркалам покрываться пылью и помрачать свой блеск”. Со времени написания “Великой дидактики” Я.А.Коменского прошло более трех с половиной столетий, и принцип наглядности лег в фундамент науки об обучении. Однако в его трактовке ряд авторов допускает некоторые неточности, которые следует расценивать как непонимание глубинного смысла этого важнейшего дидактического принципа. Вместо того чтобы под наглядностью понимать свойство человеческого сознания проникать в сущность вещей, многие исследователи отождествляют наглядность со средствами, обеспечивающими хорошую видимость, т.е. с внешней стороной этих вещей.

Как уже отмечалось, ни один предмет или явление сами по себе не обладают свойством наглядности. Наглядность — это свойство нашего сознания и проявляется как определенная ступень познания. Поэтому нельзя согласиться с тем, что наглядность — это свойство “приборов и установок”. Здесь важно отметить, что демонстрируемые явления становятся понятными, а следовательно, и наглядными для обучаемых лишь в результате согласованного воздействия слова преподавателя и демонстрационного устройства. Словесное объяснение призвано направить внимание учащихся на опыт, восприятие которого дополнит, обогатит речь преподавателя. Поэтому дидактически неверно проводить демонстрацию ключевых явлений не в процессе объяснения материала, а после его прохождения. Показ опыта в контексте со словом учителя должным образом направляет внимание учеников, исходя из которого они затем приходят к обобщениям.

Интерференция понятий “наглядность” и “визуальное восприятие” привела к тому, что в ряде авторитетных работ [3] выделены так называемые наглядные методы обучения наряду со словесными и практическими. С точки

зрения дидактики, это также не способствует правильному пониманию наглядности у учителей-практиков. Складывается впечатление, что другие методы не являются наглядными: словесные методы — это методы не наглядные и не практические, последние, в свою очередь, — не наглядные и не словесные. Например, Ю.К.Бабанский рассматривает слово педагога (словесный метод) как метод, который призван дополнять наглядность. Вместе с тем слово — это и есть специфическое средство наглядности, оно формирует вербальную наглядность. Слово выражает отношение педагога к наблюдаемому явлению, оно одушевляет (и даже одухотворяет) педагогический процесс. Слово — это вдохновение, мотивация, порыв души, и никакие технические средства не способны затронуть умы слушателей так, как это делает живое слово педагога. Вот почему выделение так называемых наглядных методов обучения нецелесообразно, оно может привести к неправильной, метафизической трактовке самой наглядности. Также неприемлемо использование термина “наглядный материал” вместо “средства наглядности”.

Наглядность невозможна без наблюдательности. Благодаря наблюдательности человек накапливает эмпирический материал, который затем можно попытаться сопоставить с какой-либо моделью. Если такое сопоставление произойдет и выявит идентичность субъективных представлений с моделью, то данная модель окажется наглядной.

Наблюдательность — это качество личности, благодаря которому она проверяет модель (испытывает ее на “прочность”). Наблюдательность позволяет отметить “новые элементы”, которые вскоре приведут к более совершенной модели. Таким образом, наблюдательность представляет собой качество личности, характеризующее ее познавательную активность. Наблюдательность следует тренировать, совершенствовать.

Дети обладают природным даром наблюдательности, они видят то, чего не видят взрослые. Подчеркивая эту сторону детской наблюдательности, Я.Корчак приводит такой случай [5].

На экране кинематографа потрясающая драма. Вдруг раздается возглас ребенка:

— Ой, собачка...

Никто не заметил, а он заметил.

Не будучи в состоянии жить бездеятельно, ребенок заберется в любой угол, заглянет в каждую щель, сыщет и спросит; ему интересно все: и движущаяся точка-букашка, и блестящая бусинка, и услышанное слово или фраза. Как же похожи мы на детей в чужом городе, в необычной среде!

Если не тренировать наблюдательность, то это качество утратит остроту, а с ним исчезнет и наглядность многих явлений. Возможно, из-за этого мы иногда утверждаем, что естественные науки даются нам с трудом, они сложны. А вместе с тем еще в конце XIX века профессор Эдинбургского университета Джон Блекки писал, что "все естественные науки должны быть особенно ценимы не только потому, что они снабжают дух наш самым богатым, разнообразным и необходимым материалом, но и потому, что научают нас полезнейшему из всех искусств — употреблению глаз.

Просто удивительно, как это мы все ходим с открытыми глазами и все-таки ничего не видим! Это оттого, что орган зрения, как и все прочие органы, нуждается в развитии. Поэтому нельзя не понимать, чтобы и в школе, и в университете естественные науки были признаны предметами первой важности, ибо они научают молодых людей познавать то, что они видят, и видеть то, чего иначе им не удалось бы увидеть".

Известны случаи, когда явления, замеченные в детстве, становились предметом исследования на всю жизнь. Один из таких эпизодов описывает Д.Реннике [6].

Мальчиком Уилсон Бентли посмотрел в микроскоп на снежинку. То, что он увидел, определило его дальнейшую жизнь, изменив и наш взгляд на зиму. Фермер, никогда не обучавшийся искусству фотографии или наукам, Бентли стал в одиночку изучать снежинки, собирая их на гри-

фельной доске и фотографируя, пока они не растают. Во время метелей сорока шести суровых вермонтских зим, один в лачуге, он размышлял о тайнах снега и описывал его красоту. К 1931 году — в год своей смерти — он сделал по крайней мере шесть тысяч фотографий снежинок.

Работы Бентли положили начало новому направлению в климатологии. Ювелиры покупали его фотографии для образцов, а школьники вырезали по этим застывшим формам снежинки из бумаги.

Снежинка, очаровавшая Бентли, — одно из утонченных творений природы. Снежинка может состоять из одного кристалла или из группы кристаллов. Кристаллы образуются высоко в атмосфере. Там, где тепло, они тают и превращаются в капельки дождя, а в холоде сохраняют свою изящную форму.

Пылинка, песчинка вулканического пепла или просто соринка образуют ядро кристалла, к которому притягиваются молекулы воды, замерзающие на его поверхности. Кристалл переносится ветром через разные слои температуры и влажности, которые по-разному формируют его. Снежинки постоянно сталкиваются друг с другом, вновь видоизменяясь. Когда снежинка наконец падает на землю, на ней видны следы ее короткой, но бурной жизни — все ее шрамы и красота. Снежинка — это символ вечности природы. Она падает, кружит на ветру и тает, чтобы родиться — уже в новой форме.

Говорят, что Бентли смотрел на снежинку как на “посланницу небес, как на частичку ни с чем не сравнимой красоты, потерять которую однажды — значит потерять навсегда”. Может быть это и есть шанс увидеть мимолетное и вечное в одной маленькой снежинке, которая так притягивает нас и ради которой готов был в одиночестве мерзнуть Уилсон Бентли, посвятивший ей годы своей жизни.

Наблюдательность и воображение характерны для любой творческой личности. Известный врач и педагог

Н.И.Пирогов (1810—1881) придавал большое значение в развитии этих качеств естествознанию. “Естествознание и должно именно служить к развитию наблюдательной способности у ребенка, начинающего знакомиться с окружающей его природой. Надобно приучить с ранних лет и его глаз, и его осязание к отчетливому отысканию различных наружных признаков, характеризующих естественные тела; дайте в руки минерал, растение, животное и спрашивайте его, что он видит и что он находит особенного; заставьте его найти и описать различие между тем и другим телом, и задача ваша будет разрешена, цель будет вполне достигнута” [4].

Наглядность начинается с наблюдательности учеников, а это качество будущего исследователя необходимо воспитывать со школьной скамьи.

Наши выводы удивительным образом совпали со взглядами А.Н.Острогорского, который писал: “Наблюдательность, способность мыслить, интерес к знанию, трудолюбие, твердость воли, любовь к ближнему составляют задачи воспитания, подготовляющего человека к самостоятельной выработке своего характера в течение всей его жизни. Работа воспитателя при этом ограничивается развитием способностей, предоставляя употребление их самодеятельности питомца. Интересуясь развитием в нем трудолюбия, воспитатель оставляет ему выбор занятий и помогает в работе только советом более опытного человека. Дорожа симпатичными инстинктами, он не должен навязывать ему друзей, руководить проявлениями чувства и т.п. Будя мысль, он ставит ему вопросы, не давая и даже не подсказывая ответов” [8, с. 47].

На фасаде главного здания в Колтушах И.П.Павлов велел высечь слово “наблюдательность”, напоминая своим сотрудникам, что он считает особо важным именно это качество. Наблюдательность ценна во всех профессиях. Но особо ценна она в науке. Вся история науки свидетельствует об этом.

Н.И.Пирогов (1810—1881) придавал большое значение в развитии этих качеств естествознанию. “Естествознание и должно именно служить к развитию наблюдательной способности у ребенка, начинающего знакомиться с окружающей его природой. Надобно приучить с ранних лет и его глаз, и его осязание к отчетливому отысканию различных наружных признаков, характеризующих естественные тела; дайте в руки минерал, растение, животное и спрашивайте его, что он видит и что он находит особенного; заставьте его найти и описать различие между тем и другим телом, и задача ваша будет разрешена, цель будет вполне достигнута” [4].

Наглядность начинается с наблюдательности учеников, а это качество будущего исследователя необходимо воспитывать со школьной скамьи.

Наши выводы удивительным образом совпали со взглядами А.Н.Острогорского, который писал: “Наблюдательность, способность мыслить, интерес к знанию, трудолюбие, твердость воли, любовь к ближнему составляют задачи воспитания, подготовляющего человека к самостоятельной выработке своего характера в течение всей его жизни. Работа воспитателя при этом ограничивается развитием способностей, предоставляя употребление их самостоятельности питомца. Интересуясь развитием в нем трудолюбия, воспитатель оставляет ему выбор занятий и помогает в работе только советом более опытного человека. Дорожа симпатичными инстинктами, он не должен навязывать ему друзей, руководить проявлениями чувства и т.п. Будя мысль, он ставит ему вопросы, не давая и даже не подсказывая ответов” [8, с. 47].

На фасаде главного здания в Колтушах И.П.Павлов велел высечь слово “наблюдательность”, напоминая своим сотрудникам, что он считает особо важным именно это качество. Наблюдательность ценна во всех профессиях. Но особо ценна она в науке. Вся история науки свидетельствует об этом.

1. Кант И. Сочинения: В 6 т. — Т. 3. — М., 1964. — С. 123 — 124.
2. Каптерев П.Ф. Теория наглядного обучения. Избр. пед. соч. / Под ред. А.М.Арсеньева. — М.: Педагогика, 1982. — С. 531 — 540.
3. Бабанский Ю.К. Методы обучения в современной общеобразовательной школе. — М.: Просвещение, 1985. — 208 с.
4. Пирогов Н.И. О наглядном обучении. Избр. пед. соч. — М.: Просвещение, 1985. — С. 143 — 144.
5. Корчак Януш. Избранные педагогические произведения / Пер. с польск. К.Э.Сенкевич. — М.: Педагогика, 1979. — 474 с.
6. Реннике Д. Снежинка, мимолетная и вечная // Ридерз Дайджест. — 1993. — № 2.
7. Сорока-Росинский В.Н. Пед. соч. — М.: Педагогика. — 1991. — 240 с.
8. Острогорский А.Н. Избр. пед. соч. / Сост. М.Г.Данильченко. — М.: Педагогика, 1985. — 352 с.

*Н.В.Самерсова, доцент кафедры педагогики СКД
Белорусского университета культуры,
кандидат педагогических наук*

СОЦИАЛЬНАЯ ПЕДАГОГИКА И НАЦИОНАЛЬНОЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

сфера взаимодействия человека и природы, о которой прежде говорили лишь отдельные мыслители и ученые, в последние десятилетия вдруг решительно вышла на газетные и журнальные страницы, заполнила немалую часть радио- и телевизионных передач, а вместе с тем — умы и практические дела миллионов людей во всем мире. И не просто “заполнила”, а взорвала общественные эмоции, заставила каждого пристальнее вглядываться в будущее,